
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

МАУРЕР Э.Р. МЕНЯЮЩАЯСЯ СЕМЬЯ. (Перевод с англ.).
MOWRER E.R. The changing family // Mowrer E.R. The family: its organization and disorganization. – Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 1932. – Ch. 12. – P. 253–279.

Ключевые слова: семья; брак; дезорганизация семьи; естественный эксперимент; свободная любовь; компаньонский брак; развод; повторный брак; семейные роли; человеческие потребности.

Для цитирования: Маурер Э.Р. Меняющаяся семья. (Перевод с англ. В.Г. Николаева) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2021. – № 1. – С. 173–196.

Критики нынешнего общества обычно принимают одну из двух точек зрения: либо что неудачи в приспособлении являются результатом неумения удержаться на высоте идеалов прошлого, либо что институты прошлого уже не функционируют должным образом. Первая точка зрения основывается на допущении, что социальные институты, возникшие на идеальном базисе или развившиеся до идеального состояния, не нуждаются в изменении. Вторая точка зрения предполагает, что социальные институты всегда находятся в процессе изменения, если не развития, но это изменение, возможно, не всегда идет в ногу с другими изменениями, с которыми оно связано. Следовательно, эти аналитики видят в современной дезорганизации семьи признаки того, что институт семьи не поспевает за темпами других социальных изменений.

На это отставание в формах семьи и стандартах практики часто смотрят как на часть более всеобъемлющего отставания в раз-

вители, или изменения, присущего нематериальной культуре¹. Материальная культура, согласно этой точке зрения, легко изменяется в ответ на человеческие предрасположения и любознательность через процессы изобретения и заимствования. Выгодные стороны новых орудий, новых методов производства, новых транспортных средств и т.д. либо более или менее очевидны в силу множества социальных контактов, либо принимаются почти без сопротивления или совсем без него. Изменения в материальной культуре, однако, обуславливают необходимость соответствующих изменений в нематериальной культуре, в морали, в этике, в религии и во всем каркасе социальных институтов и отношений.

В дезорганизации современной семьи аналитик культуры видит, стало быть, свидетельство временного лага между материальными условиями современной жизни и правилами, регуляциями и идеалами, управляющими брачными отношениями. Он обнаруживает, что ортодоксальные семейные отношения, вероятно, были весьма хорошо приспособлены к тому раннему набору социальных условий, при котором они развились, но уже непригодны для нынешнего общества. В поддержку этого заключения он указывает на то, что немалая часть современной практики расходится с формами, которые предположительно должны действовать, и это отставание лишь усугубляется беспокойством, вытекающим из открытия обществом того, что некоторая часть его населения более не чтит санкционированные формы брачной связи иначе, кроме как в случае их нарушения.

Но даже среди тех, кто согласен, что изменение в семейных формах и идеалах необходимо, имеются значительные разногласия в вопросе о степени и природе этих изменений. Одна группа придерживается оптимистического мнения, что семья скоро приспособится к новому уровню практики и станет более совершенной, чем когда бы то ни было. Другая группа, отличающаяся большей

---

¹ Различие между материальной и нематериальной культурой можно провести следующим образом. Материальную культуру народа составляют те материальные блага, которыми он обладает и пользуется, – орудия, машины, приспособления, утварь – фактически каждый материальный объект. Нематериальную культуру, в свою очередь, образуют народные обычаи, нравы, техники, философии и верования, знания, искусства. См.: Wissler C. Man and culture. – N.Y. : Thomas Y. Crowell, 1923.

скептичностью, видит впереди только непрерывное изменение. Дезорганизация, соответственно, прокладывает путь к реорганизации лишь для того, чтобы снова уступить место дезорганизации и подготовить путь к новой реорганизации, и так до бесконечности. Социальное изменение, стало быть, столь же бесконечно, сколь и неизбежно. Единственное, что можно с ним сделать, – это ослабить «нарастающие муки», способствуя в одном поле тем изменениям, которые неизбежно вырастают из изменений в другом.

Фундаменталист возражает против этого объяснения и описания, указывая на то, что ни в один период истории не было такой колоссальной дезорганизации семьи, как в нынешний. Это, спорит в свою очередь аналитик культуры, обусловлено двумя вещами: (1) человеческой склонностью к идеализации прошлого и (2) нарастанием скорости изменений.

Нет ничего более человеческого, чем склонность идеализировать прошлое. Молодой человек смотрит на мир через цветные очки и не боится испытывать новые вещи, новые идеи. Вместе с тем он всюду находит себя подчиненным старшему поколению. Он бунтует, но его бунт не принимают всерьез: это всего лишь юность с ее порывистостью. Старшее поколение в свою очередь, забывая либерализм и оптимизм своей молодости, находит в настоящем полно причин для тревоги. Крепнет убеждение, что все не так, как это обычно было. Неприятные стороны прошлого забываются и сохраняются только приятные, наделяя старое теми розовыми оттенками, которые делают его навсегда горшком золота, находящимся на конце радуги. Исторические данные мобилизуются молодежью с целью показать заблуждения старых, но все это падает на глухие уши.

Вопреки склонности исказить прошлое путем идеализации, аналитик культуры признает, что есть доля истины в наблюдении фундаменталиста, что нынешняя дезорганизация значительнее, чем в любую предшествующую эпоху. Это, поясняет он, неизбежный результат постоянного нарастания скорости социальных изменений. Социальное изменение происходит не в арифметической, а в геометрической прогрессии¹. Изменение – это вопрос умноже-

---

¹ См.: Ogburn W.F. Social change with respect to culture and original nature. – N.Y. : B.W. Huebsch, 1922.

ния, а не простого суммирования. Следовательно, объемы изменения в этом поколении действительно выше, чем в прошлом. А так как объем этот вырастает в пределах одного поколения, то он становится заметнее, ведь как бы велико ни было изменение на большем промежутке времени, чем одно поколение, оно никогда не выглядит таким огромным, как тот же самый объем, выпавший на одну человеческую жизнь.

Следовательно, если признать неизбежность социального изменения, то станет очевидным, что семья в ответ на требования меняющихся условий тоже будет меняться. Нет возвращения к традиционной семье, сложившейся при условиях, которых больше не существует. Опустошающие последствия дезорганизации можно, однако, предотвратить, способствуя приспособлению и адаптации к меняющемуся порядку. Не последнее место среди того, что будет способствовать приспособлению, занимает принятие того факта, что, какое бы направление ни придавалось изменениям в семейной практике, оно должно будет быть непрерывным, а не просто средством, примененным раз и навсегда. Эту непрерывную направленность социальная наука и обещает дать, опираясь на наблюдение связей между настоящим и прошлым и между разными элементами социального порядка.

Экспериментирование в семейных отношениях

Социальное изменение неизбежно происходит через эксперименты, и неважно, спорадические они или контролируемые. В прошлом изменение происходило главным образом из случайных индивидуальных вариаций в поведении. В сущности, не было ничего необычного в том, что эти вариации были результатом неудачи индивида в воспроизведении образца, которому он подражал. В силу этого индивид часто даже не понимал, что производит изменение. В других случаях вариации возникали в процессе проб и ошибок. В производство вариаций опять же могло привноситься некоторое сознание необходимости, но многое из того, что в результате возникало, оставалось все-таки делом случая. И даже когда становились более явно выраженными предвидение и направленность, возникающее изменение часто оказывалось совершенно отличным от того, что предвосхищалось или задумывалось. Этот

результат был во многом обусловлен тем, что в каждой ситуации имелись неосознаваемые факторы, оказывающие значительное влияние на результаты экспериментирования.

Обычно считается, что социальные науки не в состоянии проводить эксперименты напрямую. У этого есть разные причины, и важнейшей среди них является, вероятно, то, что человеческое поведение образуется из двух разных, хотя и тесно связанных элементов: идеалов и стандартов мотивации, с одной стороны, и средств осуществления этих целей – с другой. Идеалы и устремления могут ускользать от научного анализа, в то время как средства гораздо более осязаемы и могут быть подчинены контролю науки.

Формы семейных отношений – это средства и, следовательно, открыты для научного изучения. И хотя социальный ученый, возможно, не способен проводить эксперименты сам, он может изучать эксперименты других. Если поверить на слово как консерваторам, так и радикалам, экспериментирование в семейных отношениях широко распространено. Фундаменталист видит в этих случаях отхода семейных отношений от ортодоксальных стандартов знамения социального упадка, для либерала же это предвестники нового порядка. Для социального ученого они представляют успешные или безуспешные попытки приспособить брачные отношения к нуждам заинтересованных индивидов. Итак, есть ли в этих экспериментах что-то такое, что даст ключи к лучшему приспособлению семьи к условиям современной жизни?

Наиболее важные эксперименты в семейных отношениях затрагивают следующие аспекты семейной жизни: (1) формы брака, (2) компаньонский, или дружеский, брак, (3) занятость замужних женщин, (4) развод и повторный брак и (5) роль членов в современной семье.

Изменения в форме брака

Хотя повсюду в Соединенных Штатах моногамия традиционно была и остается принятой формой брака, если только не брать короткий период экспериментирования мормонов с полигинией в штате Юта и эксперименты с общинным регулированием сексуальных отношений в колонии Онайда в штате Нью-Йорк, все

же продолжается значительное экспериментирование в сторону смягчения этой конвенциональной практики.

Насколько широко распространена практика содержания более чем одной семьи, известно, конечно, лишь смутно, поскольку закон не поощряет такие схемы. Тем не менее постоянно выявляются случаи бигамных браков или заведения второго домохозяйства без формального заключения брака. Особенно это верно в городе, где у мужчин есть много возможностей делить свое время между двумя домами без того, чтобы это становилось известно.

Эти эксперименты, видимо, всегда полигинические, т.е. представляют собой союз одного мужчины с двумя или более женщинами. Такие схемы привели к тому, что в некоторых кругах стали утверждать, что мужчина по своей сути инстинктивный многоженец. В основе этого заключения лежало примерно следующее рассуждение. Было принято считать, что сексуальное стремление у мужчины гораздо постояннее, чем у женщины. У женщины сексуальный порыв отмечен циклическими флуктуациями. Беременность не допускает половых связей. Кроме того, женщина достигает менопаузы в том возрасте, когда мужчина еще сохраняет половую силу. Поскольку в половом порыве мужчины нет прерываний до преклонного возраста, то делают вывод, что для приемлемого удовлетворения полового инстинкта мужчины нужно больше одной жены и что без этого он будет прибегать к беспорядочным связям. При этом отмечается, что последняя альтернатива исторически была обычной практикой везде, где предписанной формой брака была моногамия.

Это, конечно, не отрицает распространенной практики внебрачных половых контактов в американской жизни в былые времена и даже вплоть до недавнего времени. В частности, на Юге до Гражданской войны внебрачное сожителство с негритянской женщиной было обычным делом, если вообще не санкционированной практикой. Эти контакты, однако, никак не угрожали единству семьи, поскольку всегда были с женщинами из низшего класса и имели чисто сексуальный характер. Тем самым удовлетворение полового импульса становилось в высокой степени дифференцированным от других удовлетворений супружеской жизни: половые контакты были с женщинами, у которых не было статуса, и семью как экономическую и имущественную группу никак не затрагивали.

Поборники моногамии в свою очередь говорят, что даже если признать социальную благотворность распространения практики внебрачных связей в ранний период американской истории, то все же нет никаких оправданий для ее сохранения в современных условиях. С этой точки зрения, в эпоху, когда брак является главным образом союзом для удовлетворения желания любви и отзывчивости, дифференциация половых связей от остальной супружеской жизни уже невозможна. Кроме того, утверждают поборники этой позиции, полигинная теория мужского полового импульса неадекватна, поскольку за слабость полового импульса у женщины и, отчасти, его периодичность было ответственно пуританство. Предлагаемое решение – учить мужчин и женщин «искусству любви», и тогда обнаружится, что взаимная удовлетворенность реализуется успешнее всего в моногамных браках¹. Крушение пуританских запретов, утверждает эта группа, приведет к усилению женского полового импульса и ослаблению эффектов периодичности и прерываний, связанных с беременностью. Кто-то еще добавил бы как часть этой программы практику предупреждения беременности.

По-видимому, есть мало сомнений в том, что защитники моногамии по существу правы, утверждая, что моногамные браки лучше приспособлены к современным условиям, чем любые другие упорядочения, опробованные в прошлом. Полигинная теория сексуальной природы мужчины в современной жизни базируется на ошибочном допущении, что брак является по сути своей экономико-статусно-воспитательным институтом, в котором занимают мало места либо вовсе не имеют места удовлетворение эротических интересов и товарищеские узы.

Свободная любовь

Но если половое приношение так тесно связано с приношениями в других отношениях, заключенных в семейной жизни, и не может быть отделено от семьи и удовлетворено вне ее, то как индивидам узнать заранее, что они подойдут друг другу?

---

¹ См., в частности, изложение этой точки зрения в книге: Lay W. A plea for monogamy. – N.Y. : Boni & Liveright, 1923.

В общем и целом ответ, по словам радикалов, обнаруживается в двух типах экспериментов: свободной любви и добрачных половых контактах. Оба они дают шанс определить возможности взаимного сексуального приспособления без принятия индивидами той ответственности и тех обязательств, которые не могут быть прекращены иначе, кроме как с санкции группы.

В совершенно реальном смысле свободная любовь есть кульминация романтического евангелия, не знающего никаких ограничений и никакого контроля над амурными импульсами индивида. Фактически именно отдача индивида диктату любовных импульсов характеризует доктрину свободной любви и формирует ее ядро. Бёрджесс уловил смысл романтического идеала и выразил его следующим образом:

«...Смысл термина “романтический” обретает свои существенные оттенки в противопоставлении терминам “конвенциональный”, “формальный”, “благопристойный” и “сдержанный”. Ведь романтический порыв проявляет себя в чувствах и умонастроениях, являющихся глубоко личными и властными. В наиболее страстном своем выражении он не ведает ни пределов, ни ограничений, но овладевает любящим так полно, что репутация, честь, истина и преданность кажутся уже ничем перед улыбкой возлюбленной. Сама суть романтической любви в том, что она беспредельна и ничем не сдерживается, и следствием этого становится то, что она высвобождает все другие элементарные страсти – ревность и мстительность, столь тесно с ней связанные...»¹

В опытах со свободной любовью, следовательно, индивиды пытаются в своих любовных связях бесцеремонно претворить этот романтический идеал. А когда любовь перестает связывать эту пару, они вольны уйти к другим возлюбленным без обременительных помех, составляющих существенную часть брака. Не то чтобы любовь не может быть чем-то большим, чем просто мимолетной фантазией, но часто она именно таковой и оказывается. Конечно, даже в умах защитников свободной любви присутствуют надежда

---

¹ См.: Key E. Love and marriage. – N.Y. : G.P. Putnam’s sons, 1911. (У Маурера так. – *Прим. пер.*)

и идеал любви, не изживающей себя, а длящейся до бесконечности, обогащая личности двух людей и перенося их в любовный парадиз. Но так как трудно узнать, достигался ли когда-нибудь этот идеал до сих пор, то единственным решением остается войти в такую связь, которая может быть прекращена по собственной воле, как только синяя птица романтики испарится¹.

К несчастью для большинства экспериментов со свободной любовью, если взять опыт Гринвич-Виллиджа как типичный, идеальные союзы никогда не реализуются иначе, кроме как ценой жертвования признанием других чувств, интересов и даже обязанностей и ответственности. Прежде всего, в узах свободной любви не предусматриваются дети, и тем не менее они часто появляются. Если отец может легко уйти от обязанности их поддерживать, то для матери ситуация не так проста. Кроме того, даже сами поборники таких союзов, если союз обретает некоторое постоянство, впутываются в лабиринт удовлетворений, вырастающих из взаимных интересов и товарищеских уз, не имеющих места в романтическом кредо.

Второй метод экспериментального определения вероятностей полового взаимоприспособления – допущение сексуальных связей до брака – в своем воздействии на реорганизацию семейных форм не сильно отличается от свободной любви. Этот тип экспериментирования меж тем предусматривает завершение в конвенциональном браке, если эксперимент окажется удачным. Это в каком-то смысле возрождение той старой практики, при которой брак не заключался до зачатия ребенка, за тем исключением, что критерием того, желанен союз или нет, является не фертильность, а сексуальная гармония.

Эти так называемые пробные браки зависят в своей успешности от предупреждения беременности; в противном случае ситуация осложняется ответственностью за заботу о потомстве. Критики данного видоизменения в форме брака выделяли это как самое убедительное возражение против него. Еще одно возражение состоит в том, что предварительность союза будет только повышать

---

¹ Burgess E.W. The romantic impulse and family disorganization // Survey. – 1926. – Vol. 57, N 5. – P. 291.

нестабильность брака и вести к тому, что Гудселл называет «серийной полигамией»¹.

Гораздо более серьезное возражение против пробного брака, похоже, не было замечено его оппонентами, и состоит оно в том, что обычно, чтобы такой союз был сочтен успешным, будет требоваться более высокий стандарт взаимного приспособления, чем принятый в текущий момент. Результатом будет скорее всего задание стандартов, в целом в установленное время не осуществимых, хотя некоторого приближения к ним и можно достичь в период, обычно допускаемый при условиях, где прописаны законодательные нормы о свободном расторжении брака.

Компаньонский брак

Пробный брак сущностным образом связан с тем, что иногда называют «компаньонским браком», и, следовательно, он лежит в основе возражений против предложения судьи Линдси. Но насколько в этом обсуждении нами использовался термин «пробный брак», он относится к предварительной договоренности, в которую вступают без церемонии и правовой санкции. Ее заключают без идеи легализации союза в случае его успешности. Такой союз можно было бы, конечно, при надлежащем законодательстве легализовать с самого начала, обеспечив легкий выход из него по истечении заранее оговоренного промежутка времени в случае его неудачности. Это фактически и входит в предложение судьи Линдси.

Компаньонский брак, предлагаемый судьей Линдси, – не визионерская программа, а предложение дать правовую санкцию своего рода брачному эксперименту, степени распространенности которого никто не знает. Коротко говоря, ключевые черты этого предложения примерно таковы: (1) обычный церемониализованный брак; (2) легализованная контрацепция; (3) развод по взаимному согласию в случае, если брак окажется неудачным, после всех надлежащих мер предосторожности, требующих обращения в специальное агентство экспертов по примирению; (4) модифика-

---

¹ Goodsell W. A history of the family as a social and educational institution. – N.Y. : The Macmillan co., 1915. – P. 501–502.

ция законного права жены на поддержку и алименты; (5) образовательная программа по отношениям в браке как для не состоящих, так и для состоящих в нем¹.

Следовательно, компаньонский брак судьи Линдси – это легально санкционированный брак, обладающий некоторыми чертами, которые на практике реализуются, вероятно, в большей степени, чем обычно считается. Разница в рождаемости между высшими и низшими классами красноречиво свидетельствует о широком применении в высших кругах общества мер по предупреждению беременности. Ограниченное число дел по тайным связям, находимое в судах по бракоразводным делам, – красноречивое свидетельство гораздо большего числа браков, расторгаемых по взаимному согласию. Протоколы бракоразводных процессов показывают также урегулирования по имуществу и алиментам, в которых жена не требовала своего традиционного права на поддержку. Нередко эти урегулирования согласуются с взаимными соглашениями, в которые партнеры вошли во времена брака. Что касается остальных элементов, то образовательные элементы частично реализуются через широкий оборот книг о супружеских отношениях и любовной жизни и через курсы по тем или иным сторонам брачных отношений в колледжах и университетах. Примирительный элемент также частично реализуется через услуги агентств по работе с неблагополучными семьями.

Соответственно, в значительной мере оппозиция предложению судьи Линдси базируется не столько на отклонении его программы от текущей практики, сколько на отказе либо признать, либо санкционировать некоторые экспериментальные изменения в современной семье. Критика сосредоточена главным образом вокруг экспериментальной природы брачных отношений, выраженной в эпитете «пробный брак», а также вокруг отказа от социальных обязательств по рождению и воспитанию детей².

---

¹ См. предисловие к исправленному изданию: Lindsey B., Wainwright E. *The companionate marriage*. – N.Y. : Boni & Liveright, 1927. Также этот текст перепечатан в: *Twenty-four views of marriage* / ed. by C.A. Spaulding. – N.Y. : Macmillan, 1930. – P. 193–204.

² См.: Groves E.R. *Social problems of the family*. – Philadelphia (PA) : J.B. Lippincott, 1927. Его же критику, но в более развернутом виде, см. в книге: Groves E.R. *The marriage crisis*. – N.Y. : Longmans, Green & co., 1928.

Как бы ни нравилось нам видеть в современном браке сохранение идеи постоянства, распространенность разводов показывает нам со всей ясностью временный характер современных брачных соглашений. Трудно понять, как предложение Линдси могло бы привести к большей нестабильности, чем та, что уже стала возможной благодаря законодательству о разводе и тому, как уже осуществляются разводы в некоторых штатах под лидерством Невады. Любые нападки на эту сторону предложения судьи Линдси в равной степени относимы к практикам, характеризующим большую группу населения.

Второе критическое возражение против компаньонского брака состоит в том, что он растворяет брачную связь в связи на сугубо половой основе, не предусматривая возможности созревания этого элементарного инстинкта до супружеской и родительской любви. Согласно Гроувзу, половая жизнь как базовый элемент в компаньонстве обычно со временем затухает. В ортодоксальном браке интерес переносится на детей, и это объясняет, почему появление детей предотвращает развод¹. Но эта точка зрения не признает того, что муж и жена могут развить другие взаимные интересы, настолько же сильные, как и тот, что выстраивался в прошлом вокруг детей. Фактически современный тренд ведет к усилению акцента именно на таких интересах. Кроме того, отсутствие желания иметь детей может быть как нежеланием быть обремененными ими при исполнении эгоистических желаний, так и в равной мере страхом и неуверенностью в том, что желательно их растить и воспитывать.

С другой точки зрения, компаньонский брак есть логическое развитие брака, основанного на романтических соитиях, поскольку он заключает в себе открытое признание связи между занятием любовью и детьми, тогда как в ранней форме романтического брака дети были побочным продуктом, который не предусматривался, но все-таки принимался как нечто само собой разумеющееся. Изменение в браке можно, соответственно, описать в общих чертах следующим образом: ортодоксальный брак, в котором были первичны экономические мотивы, продолжение рода и т.д. → брак,

---

¹ Groves E.R. The marriage crisis. – P. 96.

основанный на романтической любви (сублимированной форме сексуального интереса) → компаньонский брак.

В переходном состоянии существенные черты компаньонского брака совпадают с чертами, характеризующими многие современные формы брака; впервые на это указал Найт, и он же впервые применил сам этот термин¹. Мотивами для компаньонского брака, в изначальном его смысле, являются товарищество, общие интересы, а также сексуальная реакция. Такие союзы предполагают контроль над деторождением в интересах реализации иных ценностей, нежели продолжение рода. Вместе с тем они не исключают детей во всех случаях, а предусматривают их появление на свет во время, взаимно определенное в интересах осуществления главной цели брачного отношения, а именно компаньонства.

В действительности есть мало сомнений в том, что значительная часть экспериментирования в современном браке, вырастающего из романтической концепции, дефективна в самом реальном и основополагающем смысле. Как консерваторы, так и радикалы брали сексуальные отношения как основу для своего нападения либо на конвенциональные практики, либо на девиации от этих практик. Для консерватора половые порывы – могущественные мотивы, подталкивающие человека к браку, но как только этот союз осуществляется, они должны контролироваться в интересах продолжения рода. Для радикала только высвобождение этих импульсов приводит к счастливому браку. Люди, состоящие в браке, должны, соответственно, учиться «искусству любви», чтобы поднять свои отношения до более высокой планки, чем возможная при ортодоксальном браке.

И те и другие, однако, не признают культурную природу сексуальных импульсов. Хотя интимная отзывчивость между полами и в самом деле инстинктивна, формы ее выражения таковыми не являются. Даже сила порыва тесно связана с культурным бэкграундом индивида. В результате в счастливых брачных отношениях сексуальное оказывается распределено во всем спектре эмоциональных удовлетворений, вырастающих из супружеской

---

¹ Knight M.M. The companionate and the family, the unobserved division of an historical institution // J. of social hygiene. – 1924. – Vol. 10, N 5. – P. 257–267.

жизни. Эта распределенность является естественным состоянием, если ее не сдерживают факторы, производящие диссоциацию между сексом и другими аспектами брачных отношений.

Установка консерватора, что сексуальные отношения должны быть ограничены продолжением рода, не признает эту рассеянную природу пола и санкционирует диссоциацию между половыми контактами и другими фазами брачных отношений. Нередко в прошлом это приводило к внебрачным сексуальным контактам со стороны мужа. В той мере, в какой принималась эта доктрина, практика и теория тяготели к конфликту друг с другом. Да и вообще сомнительно, чтобы когда-либо сексуальные связи сколь-нибудь широко ограничивались минимальными потребностями размножения.

В программах радикалов эта неадекватная концепция полового порыва часто находила выражение в установке, что трудно заранее определить, пригодны ли два человека друг другу сексуально, и что, следовательно, у них должна быть какая-нибудь возможность определить это экспериментальным путем. Факты таковы, что при должной подготовке и обучении лишь очень немногие пары не могут взаимно сексуально адаптироваться. Чего недостает, так это возможностей обеспечить супружеские пары необходимой помощью и обучением в области сексуального приспособления, вместо того чтобы оставлять им самостоятельно справляться со своими трудностями, притом что большинство из них так и не может найти им никакого решения.

Женская занятость

Хотя изменения в форме брака, как уже обсуждалось, тесно связаны с другими типами экспериментов в семейных отношениях, всех современных изменений они не исчерпывают. Фактически, пожалуй, ни один эксперимент не был настолько масштабным и настолько революционным, как занятость жен вне дома. Это изменение, разумеется, часть движения за эмансипацию женщин, оказавшего на социальную структуру в двадцатом веке такое же революционное влияние, как Промышленная революция в девятнадцатом.

Оппоненты занятости замужних женщин основывали свои возражения на доктрине, что место женщины – дома. Для нее наем на работу означает пренебрежение собственными детьми, неспособность обеспечить своей семье удобства и уют домашней жизни и нечестную конкуренцию с незамужними женщинами, поскольку она способна сбить им цену. Там, где финансовое положение семьи не позволяет нанять кого-нибудь для компетентного ухода за детьми, занятость матери на работе неизбежно ведет к оставлению их без внимания. Защитники в свою очередь отмечали, что в семьях, особенно в средних классах, детей часто мало или вообще нет. Кроме того, там, где есть дети, о которых нужно заботиться, за исключением сравнительно короткого периода после их рождения, на часть средств, заработанных женой, можно нанять компетентных нянь, которые к тому же, вероятно, смогут лучше о них позаботиться, чем она сама.

Что касается домашних обязанностей, то и их выполнение тоже можно обеспечить, либо нанимая экономок, либо проживая в жилой гостинице; это оставляет жену свободной для более широких контактов по работе и делает ее лучшим компаньоном для своего мужа, чем старомодная домохозяйка, чей умственный горизонт был ограничен мелкими домашними делами. Кроме того, как заявляется, современные условия таковы, что оставляют замужней женщине уйму свободного времени, и если занять его оплачиваемой работой, то это приведет к обогащению ее личности.

Когда затрагивается вопрос о так называемой нечестной конкуренции с незамужними женщинами, утверждается, что сбивание расценок на труд замужними женщинами – вещь сравнительно редкая. Кроме того, замужние женщины часто считают, что право на независимость и на вовлечение в интересную деятельность вне дома никоим образом не отменяется браком.

Несмотря на растущую тенденцию внедомашней занятости замужних женщин, женщине все еще приходится справляться с тем препятствием, что соседи поглядывают на нее со снисходительной терпимостью, полагая, что ее вынуждает работать экономическое давление. Даже если работающая жена понимает, что нередко эта установка со стороны другого индивида является установкой рационализации ее некомпетентности или нерасполо-

женности делать что-либо кроме домашней работы, то это понимание никоим образом не устраняет болезненного укола.

Положение работающей жены усугубляется далее установками мужа по отношению к ней. Для неземансипированного мужа ее занятость означает потерю власти и превосходства, которые поколениями были прерогативой мужчины. Он склонен компенсировать это требованиями беспрекословного подчинения его желаниям в мелких вопросах или принижением усилий своей жены. Фактически острая ревность к достижениям собственной жены вовсе не является чем-то необычным, если она так или иначе угрожает в чем-то его превзойти¹.

В социальных классах, в которых совокупные доходы мужа и жены не допускают полной свободы от обязательств, положение работающей жены часто оказывается уязвимым. Она склонна считать, что муж должен наравне с ней участвовать в выполнении домашних обязанностей. Он в свою очередь может отказываться это делать или неохотно соглашаться с этим. В обоих случаях неизбежным итогом становится раздражение. Даже если он вроде бы охотно участвует в домашних делах, у его жены бывают периоды, когда она задается вопросом, не обидны ли для него эти обязанности.

В то же время замужняя женщина, нашедшая занятость вне дома, находит удовлетворение в чувстве равенства со своим мужем, которое она ей дает. Она также утрачивает чувство неполноценности, с незапамятных времен характеризовавшее ее пол. Соответственно, она меньше склонна к невротичности, так как находит в работе отдушину для реализации своих творческих энергий. И даже если ее работа не так интересна, как ей хотелось бы, в ней всегда есть компенсирующая черта, состоящая в том, что она ни от кого не зависит в своей поддержке и никому ничем не обязана.

Итак, роль современной жены за прошедшее столетие радикально изменилась: из подчиненной домохозяйки и родительницы она превратилась в партнера в общем предприятии, делящей с мужем на равных привилегии и обязанности. Хотя эта изменившаяся роль не реализовалась целиком во всех классах, нарастающая тен-

---

¹ См.: Groves E.R. The psychology of the woman who works // Family. – 1927. – Vol. 8, May. – P. 92–97.

денция занятости замужних женщин указывает на общий тренд. Соответственно, работающая жена символизирует достижения феминистского движения, нацеленного на обеспечение равенства полов.

И воздействие занятости жен на организацию семьи не следует меньше приветствовать от того, что иногда оно приводило к удержанию женщиной некоторых старых прерогатив, несовместимых с ее притязанием на «права», или, опять же, из-за ее порой встречающегося тиранического доминирования в семейных делах, драматически символизируемого в карикатурных образах мужа-подкаблучника. Эти дезадаптации – всего лишь издержки революции в практиках, и со временем они сами собой исправятся.

Развод и повторный брак

Ни одно движение не оказало на семью такого революционного воздействия, как движение за разводы. Разумеется, оно было тесно связано со всем трендом бунта против ограничений первичной группы и настаиванием на том, что брак – сугубо личное дело. Этот бунт был также тесно связан с феминистским движением, поскольку при традиционной форме брачных отношений женщина была главной страдающей стороной.

Соответственно, тенденция экспериментов с разводами и повторными браками быстро росла, пока не утратила свою необычность. И в самом деле, есть все основания считать, что если некогда развод означал завершение супружеской жизни, то теперь он стал означать всего лишь смену брачных партнеров. К этой практике некоторые ее оппоненты применяли эпитет «тандемная полигамия». Видимо, произошло то, что брачные отношения с любым конкретным лицом считаются экспериментальными и прерываются в случае их неудовлетворительности в пользу другого выбора, в соответствии с романтическим идеалом нахождения того «единственного», кому данный человек подходит.

На эту экспериментальную установку в отношении брака противники развода смотрят, конечно, с дурными предчувствиями. Они утверждают, что эта установка приведет лишь к росту частоты разводов, делая людей более придирчивыми в их запросах и задавая стандарты, низшие по сравнению со стандартом священ-

ства и постоянства брака. Выбор, настаивают они, будет осуществляться более легкомысленно, а выход из брака будет использоваться по любым самым незначительным поводам.

Нет сомнений в том, что возможности легкого развода повышают его частоту в качестве выхода из несчастливых брачных отношений. Несомненно и то, что легкость развода потворствует бракам, в которых партнеры меньше знают друг о друге, чем это обычно было тогда, когда развод был гораздо менее приемлем. Однако трудно поверить в то, что супружеская жизнь в современных условиях, когда на развод накладывается меньше ограничений, сколько-нибудь несчастнее, чем в прежних условиях, когда разводы либо полностью запрещались, либо очень строго ограничивались. На самом деле, если рассмотреть невыносимые черты многих прежних браков, в которых принимались все имеющиеся предупредительные меры, чтобы гарантировать успех, то возникает ощущение, что современный брак не менее, а то и более успешен, чем это было до того, как развод стал обычным делом.

Во всяком случае, не в духе современности требовать, чтобы, однажды женившись, индивиды непременно продолжали свои отношения невзирая на их возможную отвратительность. Об этом свидетельствует либерализация законодательства о разводе, нарастающая во всех Соединенных Штатах. Не только расширился список правовых причин, на основе которых может быть получен развод, но и очевидна тенденция к более либеральному толкованию этих законов. Так, во многих судах, где законы штата обеспечивают развод на основании жестокости, этому установлению дается самая либеральная интерпретация. Часто в качестве достаточной причины рассматривается так называемая психологическая жестокость, и при этом требуется лишь самое номинальное доказательство. И даже когда суд настаивает на свидетельствах физической жестокости, нет ничего необычного в том, что они оказываются косвенными и по существу такими, чтобы лишь стало очевидно, что действия были предприняты с намерением дать причину для развода.

Насколько часто в обеспечении развода присутствует тайный сговор – неизвестно, но многое свидетельствует о том, что эта практика широко распространена. Договоренности о собственности и алиментах, достигнутые до развода, наводят на мысль о

наличии тайного сговора во многих случаях. Быстрые слушания и завершения бракоразводных дел способствуют тайным сговорам, так же как и тот факт, что судебные преследования и отказы в разводе на основании тайного сговора случаются относительно редко. Все это согласуется с трендом изменения установки по отношению к разводу, выводящим это действие из области аморального и постыдного и делающим его прерогативой самих индивидов. Следовательно, больше не считается необходимым, чтобы индивид нарушил нравственные установления группы, прежде чем он сможет ожидать расторжения своего брака. Достаточно того, чтобы он был убежден в неудачности своего брака и в том, что его брачный партнер либо смирится, либо согласится с расторжением уз.

Это изменение установки по отношению к разводу отражается также в изменившейся установке по отношению к повторному браку. Если прежде развод маркировал женщину (в особенности) как в некотором роде *declassé*, то сегодня во многих кругах она оказывается предметом зависти для своих незамужних сестер ввиду приятельских связей с мужчинами, делающих ее завидной компаньонкой. Ее опыт, полученный в предыдущем браке, больше не является обременением; вместо этого он становится активом. Результатом, как уже отмечалось, является склонность к повторному заключению брака в относительно короткое время. Фактически ожидаемость повторного брака после развода, видимо, так же высока, как и после смерти супруга.

Еще одно заметное изменение в практиках, связанных с разводом, наблюдается в обращении с детьми. Если в прошлом на детей предъявлялись исключительные притязания либо со стороны мужа, либо со стороны жены, то в последнее время наметилась тенденция к тому, что дети после развода остаются общими. Нередко бывает так, что часть года ребенок проводит с одним родителем, а остальную часть года – с другим.

Изменение ролей в семье

Изменения происходили не только в практиках, окружающих распад семейной жизни; столь же революционные модификации происходили и в отношениях внутри самой семьи. В особенности это касается относительных положений и ролей различных

членов. Большинство этих изменений столь тривиальны, что трудно даже представить, насколько они недавние и в какой степени они представляют собой радикальный отход от практик, имевших широкое хождение на протяжении относительно долгого времени.

Во многих семьях муж уже не глава семьи, несмотря на то что он все еще дает фамилию своей семье, а также христианское имя, используемое по более формальным поводам, своей жене. В семейном кругу, однако, он уже не автократ, чье слово закон. Фактически для него является удачей, если его дети смотрят на него иначе, чем как на надоедливого аутсайдера или как на союзника, к которому можно обратиться за поддержкой, когда надо сломить сопротивление его жены каким-нибудь планам детей.

Жена в свою очередь видит себя в семейном кругу совершенно равной своему мужу, а то и стоящей выше него. Она управляет судьбой семейной группы полной симпатии, но в то же время решительной рукой. Она больше не ломовая лошадь и не рабыня прежних дней. Что же касается детей, то ее повеления должны приниматься во внимание даже больше, чем повеления отца.

Это не значит, однако, что дети занимают сегодня то же подчиненное положение, которое они занимали раньше. На самом деле они тяготеют к главенству на сцене; их желания определяют политику семьи. Стало быть, тренд, видимо, ведет к филиоцентрической семье, в которой ребенок играет доминирующую роль. Он, конечно, по случаю контролируется родителями, но лишь для того, чтобы в следующий момент обрести вседозволенность. Он быстро учится добиваться своего, проявляя лояльность то к отцу, то к матери или держась отчужденно и стравливая родителей друг с другом. Он никогда не слышал о правиле, что «детей должно быть видно, но не слышно», а то, что велят родители, служит ему указанием на то, чего не нужно делать.

В результате родители все больше и больше экспериментируют с воспитанием детей, опираясь на принципы, совершенно чуждые их дедушкам и бабушкам. Ребенка не дисциплинируют и не принуждают, предоставляя ему вместо этого привилегию выбирать самостоятельно. Место других видов контроля занимает применение «психологии». Более прямолинейные методы, основанные на физической силе, вытесняются убеждением и внушением.

Предсказание будущих форм

Но что все эти эксперименты обещают для будущего семьи? Лучше ли прорастающие тут и там новые практики приспособлены к современным условиям, чем старые? Счастливее ли люди в новейших формах семейных отношений, чем они были в прежних, унаследованных от предыдущего поколения? Какой-то ответ на такие вопросы необходим, если мы хотим хоть какого-нибудь контроля над определением направления будущего развития.

В целом предсказать вероятную направленность изменения в будущем проще, чем сказать, приведут ли эти изменения к более удовлетворительным формам брачных отношений. Прежде всего, совершенно ясно, что роль жены будет характеризоваться более распространенной практикой и признанием положения, реализуемого в настоящее время во множестве экспериментов. Она будет находить занятость в профессии, интересной для нее настолько же, насколько интересна ее мужу его профессия. Ее опыты в трудовом мире сделают ее более желанным компаньоном, причастным к жизни, в которой они с мужем участвуют на равных.

Кроме того, жена будущего будет видеть в сексуальных отношениях ту символизацию отзывчивости, симпатии и товарищества, составляющих их супружескую жизнь, которую лишь немногие из ее сестер находят сегодня. Она утратит пуританское отвращение и страх, против которых восставала в прошлом через невротические симптомы. То, что сексуальные отношения необязательно ведут к зачатию, будет принято как само собой разумеющееся, и этому будет способствовать широкое распространение и совершенствование методов предупреждения беременности. Когда будут желать завести детей, их появление будет планироваться заранее – не только в лучших интересах отца и матери, но и в интересах ребенка.

Несомненно, будет также падение влияния чистого романтизма. Эту установку в отношении брака Липпман описал в терминах, которые сами по себе указывают на обманчивость этой идеи: «Если [романтизм] полагает, что браки заключаются на небесах, что совместимость инстинктивна, что это простое совпадение, что счастливые союзы – это в конечном счете удачные слу-

чайности, в которых довелось встретиться двум людям, которым повезло друг другу подойти...»¹

Очевидно, если бы эта концепция была правильной, шансы на то, что данный конкретный выбор будет успешным, были бы очень малы, и индивид продолжал бы всю жизнь искать родственную душу только для того, чтобы каждый раз убеждаться, что вновь ошибся, и приступать к новым попыткам. Ошибки этой концепции проистекают из лежащего в ее основе допущения диссоциации между любовной жизнью индивида и остальной его жизнью. Это допущение прямо противоречит фактам, указывающим на то, что при наличии у двух человек изначальной взаимной привлекательности, общего социального бэкграунда, общих интересов и вкусов, а также взаимной веры в возможность достижения удовлетворительного приспособления друг к другу совместимость в брачных отношениях в нормальном случае достижима².

Романтизм, в конце концов, есть просто прославление полового порыва и сделал бы брачную и семейную жизнь постоянным повторением событий, характеризующих период ухаживания. Но жизнь в браке влечет за собой взаимные обязательства и ставки, а последние требуют чего-то большего, чем вспышки страсти влюбленного человека. Чем полнее это осознается, тем больше внимания уделяется потребностям компаньонства, благожелательной оценке устремлений и интересов друг друга и меньше – первоначальной привлекательности.

Человеческие потребности и семья

Эти предсказания, разумеется, проистекают не из хорошо проверенного объективного рассмотрения результатов происходящих в настоящее время экспериментов. Обусловлено это тем, что до сих пор не найдено надежных средств измерения успеха или неудачи этих экспериментов. Соответственно, приходится полагаться на впечатления, контролируемые рядом ключевых допущений относительно природы и функции семьи в современной жизни.

---

¹ Lippmann W. A preface to morals. – N.Y. : Macmillan, 1929. – P. 309.

² См.: (Lippmann. Op. cit.) – P. 284–313, особенно 307–311.

Центральный элемент в функции, выполняемой семьей в человеческих отношениях, – это то прибежище, которое она дает мужу и жене. Именно в семейном кругу жизненные деятельности обретают новые значения исходя из симпатии, благожелательной оценки и поддержки, которые предоставляет семья. Это сотворение смысла во многом обусловлено тем, что в семье генерируется то эмоциональное содержание, которое дает мотивацию, столь необходимую в социальном приспособлении. В семье притушается острота разочарований, и индивид реабилитируется. В семейных отношениях человек находит ту интеграцию надежд и целей, которая уравнивает тенденцию современной жизни к диссоциации и неизбежный душевный конфликт, ей сопутствующий.

Для ребенка семья также выполняет хорошо определенные функции в предоставлении места для развития интегрированной личности. Некоторый успех, видимо, является существенным для развития слаженных личностей, и его обеспечивают подбадривания и заверения в семейном кругу. Кроме того, в семье ребенок учится искусству приноравливаться к другим индивидам при условиях, которые способствуют цельности личности, благодаря смягчению последствий за счет симпатии и понимания.

Следовательно, любые формы семейных отношений, обеспечивающие удовлетворение этих существенных потребностей, будут успешны. Будущее развитие семейных форм будет протекать в направлении тех экспериментов, которые наиболее удовлетворительным образом реализуют выполнение этих потребностей. Но поскольку отбор элементов в семейных взаимоотношениях предоставлен шансу и неосознанной направленности, приспособления к современным условиям будут происходить со сбоями и несовершенно. Так всегда было и в прошлом, но процесс начинают замечать только тогда, когда он убыстряется.

Увеличение скорости социального изменения в современной жизни требует, следовательно, высокоразвитых техник исследования. И нигде это так не очевидно, как в области семейных отношений. Чтобы формы брачных отношений были действительно и оперативно приспособлены к условиям современной жизни, это приспособление должно вырастать из исследования семейных отношений и на нем основываться. Из такого исследования может прийти осознанный контроль над будущим развитием, который

займет место расточительных экспериментов, которыми так характеризуется наша эпоха.

Рекомендуемая литература

Annals of the American Academy of political a. social sciences. – 1929. – Vol. 143: Women in the modern world. – VIII, 396 p.

Goodsell W. Problems of the family. – N.Y. : The Century co., 1928. – X, 474 p. – Ch. 16–22, 24.

Groves E.R. Social problems of the family. – Philadelphia (PA) : J.B. Lippincott, 1927. – IX, 314 p. – Ch. 6, 11.

Groves E.R., Ogburn W.F. American marriage and family relationships. – N.Y. : H. Holt & co., 1928. – XIII, 497 p. – Ch. 2–4.

Kirchwey F. Our changing morality : a symposium. – N.Y. : Albert & Charles Boni, 1930. – IX, 249 p. – P. 19–33, 37–49.

Lippmann W. A preface to morals. – N.Y. : Macmillan, 1929. – VIII, 348 p. – P. 88–94, ch. 14.

Mowrer E.R. Family disorganization : an introduction to a sociological analysis. – Chicago (IL) : Univ. of Chicago press, 1927. – XV, 356 p. – Ch. 7.

Pruette L. Women and leisure : a study of social waste. – N.Y. : E.P. Dutton, 1924. – XXIV, 225 p.

Reed R. The modern family. – N.Y. : A.A. Knopf, 1929. – X, 182 p. – Ch. 17–19.

Reuter E.B., Runner J.R. The family. – N.Y. : McGraw-Hill book co., 1931. – X, 615 p. – Ch. 13–14, 18.

The book of marriage : a new interpretation by 24 leaders of contemporary thought / ed. by H. Keyserling. – N.Y. : Harcourt, Brace & co., 1927. – X, 511 p. – P. 216–243.

Twenty-four views of marriage / ed. by C.A. Spaulding. – N.Y. : Macmillan, 1930. – XIX, 452 p.

Пер. с англ. *В.Г. Николаева**

---

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: vnik1968@yandex.ru